

УДК 94(497.1)

Проблема немецкого меньшинства в германо-югославских отношениях 1920–1933 годов

А. В. Мишин

Мишин Алексей Владимирович, аспирант Центра истории международных отношений, Институт всеобщей истории РАН, Москва, futurum2006@yandex.ru

По окончании Первой мировой войны вопрос о положении национальных меньшинств в Европе приобрел особую остроту ввиду полномасштабного изменения границ. В статье рассмотрена проблема немецкого меньшинства в германо-югославских отношениях 1920–1933 гг. Анализируется статус немецкого населения, его роль в экономической, политической и культурной жизни Королевства СХС (Югославия). Большое внимание уделено определению позиций Берлина и Белграда по вопросу о положении немецкого меньшинства и связи этих позиций со стратегическими целями двух государств.

Ключевые слова: многонациональное государство, права национальных меньшинств, германо-югославские отношения, немецкое меньшинство, «верны государству и верны народу».

The Problem of German Minority in the German-Yugoslavian Relations in 1920–1933

A. V. Mishin

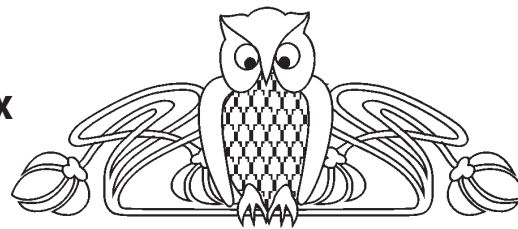
Alexey V. Mishin, <https://orcid.org/0000-0003-2871-397X>, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Pr., Moscow 119334, Russia, futurum2006@yandex.ru

After ending of WWI the question about the position of national minorities in Europe became especially acute because of serious changes of the states' borders. The article analyzes the problem of German minority in German-Yugoslavian relations of 1920–1933. Status of German population, its role in economical, political and cultural life SCS Kingdom (Yugoslavia) is examined. Special attention is devoted to defining Berlin's and Belgrade's positions about this problem and connection of these positions with strategic goals of the states.

Keywords: multination state, rules of national minorities, German-Yugoslavian relations, German minority, "hold true to state and hold true to folk".

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-58-63>

Вовлеченность в современную международную жизнь большого числа государств с разным уровнем экономического и политического развития привела к распространению такого явления, как отношения двух неравноправных партнеров. В этой связи становится актуальным анализ прецедентов названного явления. Одним из примеров могут служить германо-югославские отношения 1920–1933 гг. Хронологические рамки исследования определяются следующими обстоятельствами: в 1920 г. были установлены дипломатические

отношения между Германией и Королевством СХС (сербов, хорватов и словенцев); в начале 1933 г. в связи с установлением в Германии нацистской диктатуры начался новый период мировой истории и отношений двух государств.

О важности проблемы свидетельствуют, в частности, статьи сборника «Восточная и Центральная Европа между мировыми войнами (1918–1939)», изданного в 1997 г. в Магдебурге¹. Половина публикаций посвящена различным аспектам названной проблемы: «Провалившаяся интеграция. К вопросу о меньшинствах в Восточной Центральной Европе. 1919–1939» (В. Кеселер), «Договоры и защита меньшинств – возникновение, содержание и воздействие» (Д. А. Лёбер), «Конституции и права меньшинств» (А. Ушаков), «Национальные меньшинства в парламенте и правительстве» (П. Буриан), «Мероприятия по разрешению церковных проблем меньшинств в Латвии и Эстонии. 1919–1939» (Г. Виттрам), «К вопросу об экономической силе национальных меньшинств в промышленности, торговле и банковском деле в Польше во время Второй республики» (К. фон Делаэс), «Школьное обучение национальных меньшинств в Эстонии, Латвии, Польше и Чехии между мировыми войнами» (Р. Хойзер), «Национальные меньшинства и культурная жизнь. Взаимное обогащение или отчуждение?» (Г. Лемберг).

Германо-югославские отношения 1920–1933 гг. носили многоаспектный характер и были связаны с дипломатической, политической, экономической, культурной, национальной сферами. Предметом анализа в данной статье являются позиции Германии и Королевства СХС (Югославия) по вопросу немецкого меньшинства, проживавшего в молодом югославском государстве. Известно, что немцы наряду с венграми являлись крупнейшими неславянскими этническими группами в Королевстве. Они населяли в основном северные и северо-западные районы страны – Словению, Хорватию, Воеводину, т. е. земли, принадлежавшие в свое время Австро-Венгрии, а Королевство СХС (Югославия) половину своей территории получила за счет бывших южных и юго-западных земель этого государства. Для многонационального государства, каким являлось Королевство СХС, вопрос о положении меньшинств приобретал особое значение и имел свою специфику².

Необходимо отметить, что на протяжении нескольких столетий немцы осознанно переселялись

на эти земли из Германии. Переселение немцев началось в XVI в. после принятия хорватских земель под покровительство Австрийской монархии и усилилось после присоединения Венгрии и Воеводины к империи Габсбургов в начале XVIII в.

По мнению немецкого историка К. Бетке, «места проживания немцев в Югославии никоим образом не относились к “Германии”»: они находились далеко от немецкого языкового круга и не имели в немецком национальном сознании такого особого, символического значения, как Западная Пруссия или Эльзас»³. Тем не менее защита немецкого меньшинства за границей с самого начала была одним из направлений внешней политики нового германского государства. «Пристальное внимание, которое уделялось этому вопросу ... должно было убедить общественное мнение в том, что только Германия может представлять интересы всех немцев, вне зависимости от места их пребывания. Забота о зарубежных соотечественниках имела целью создание прочной основы для поддержки германского рейха в тех областях соседних государств, где проживали немцы»⁴.

Состав немецкого населения в югославских землях не был однороден в плане своего территориального происхождения. Часть немецкоязычных поселенцев приехали туда из Южной Германии, часть – из австрийских владений. Не было однородности и в социальном, и финансовом плане. Немцы Славонии (Хорватия) были по преимуществу ремесленниками и крестьянами, среди их соплеменников в Воеводине доминировали помещики и другие крупные землевладельцы. Хорватские и словенские немцы были менее лояльны по отношению к новой югославской власти, в то время как немцы Воеводины взяли курс на мирное сосуществование и верность режиму Карагеоргиевичей.

Достоверных фактов, свидетельствующих о постоянном целенаправленном притеснении немецкого населения славянским большинством, нет, что позволяет предположить, что условия проживания немецкого меньшинства в Королевстве были приемлемыми по сравнению, например, с обстоятельствами существования немцев в Чехословакии. Тем не менее югославские власти по понятным причинам не желали усиления национальных меньшинств в своей стране. Так, в начале 1920-х гг., как об этом пишет югославский историк З. Янетович, для «исправления исторической несправедливости» королевское правительство решило провести аграрную реформу, одной из целей которой было ослабление положения по большей части инородных лагифундистов. Иногородцы, кроме словаков, были исключены из числа получателей наделов. Это прежде всего коснулось немцев⁵. Германские власти постоянно уделяли внимание положению немецкого меньшинства, особенно учитывая тот факт, что в 1918 г. около трети этнических немцев во вновь образованных государствах мгновенно превратились в наци-

ональное меньшинство. В межвоенный период Германия считала немецкие меньшинства за границей угнетенной частью населения. Защита соотечественников за рубежом была мощным орудием в руках сил в Германии, мечтавших о возрождении великой немецкой державы.

Знаком повышения статуса немецкого меньшинства явилось создание в 1920 г. в Воеводине, где насчитывалось 3165 79 немцев, Культурного союза швабских немцев (Schwäbisch-Deutscher Kulturbund), печатным органом которого был «Немецкий народный листок» (“Deutsches Volksblatt”). Выше уже упоминалось о том, что немецкое меньшинство этой области не противопоставляло себя коренному населению и режиму Белграда. Таким образом, члены Союза, демонстрируя лояльность по отношению к новому государству, стремились добиться улучшения собственного положения и представить свою ориентацию на Германию «как менее опасный для Белграда фактор, чем настроенность на Венгрию»⁶. Для югославских властей, серьезно опасавшихся претензий Венгрии на ее бывшие регионы, существование такой организации было некоей гарантией нерушимости северных границ. Девиз Культурного союза «Верны государству и верны народу» был преисполнен глубокого смысла и отражал две главные цели немецкого меньшинства: добиться расположения югославских властей и сохранить национальную идентичность.

Многочисленная немецкая диаспора влияла на научные и культурные связи Германии и Королевства СХС. В частности, остро стоял вопрос о немецких школьных учреждениях. В. А. Космач считает положение немецких школ проблемой номер один в германской внешней культурной политике в отношении Королевства после 1918 г.⁷ Исследователь приводит слова одного из шести немецких депутатов в югославском парламенте С. Крафта о том, что немецкие школы в государстве югославян после Первой мировой войны были практически полностью закрыты; довоенное положение в этой области восстановилось с трудом. Лишь во второй половине 1920-х гг., когда упрочились экономические отношения двух стран, немецкие дипломаты обеспокоились выстраиванием «тесных культурных связей, чтобы югославы могли примкнуть к науке, технике и другим областям духовной жизни Германии»⁸.

Исследователи устанавливают прямую связь между проблемой меньшинств и экономическим развитием страны. Так, С. Кавалуччи в статье «Силезский уголь в отношениях между Польшей и Германией в межвоенный период» высказывает мысль о том, что «промышленники были частью немецкого меньшинства, как, впрочем, большая часть технических специалистов и чиновников местной администрации»⁹. Похожая ситуация существовала и в Югославском государстве.

Проблема немецкого меньшинства, таким образом, была если не ключевой, то весьма важ-

ной в германо-югославских отношениях. В силу сложившихся исторических условий вопрос о положении меньшинств и их роли в обществе был актуален для Восточной Европы в целом. По окончании Первой мировой войны побежденные стороны понесли огромные территориальные потери, зафиксированные в мирных договорах. Целостность стран была разрушена, часть земель оказалась присоединенной к другим государствам. «В результате побежденные страны стали, как правило, мононациональными, а вновь созданные и увеличенные – многонациональными»¹⁰. Для защиты прав всех граждан, проживающих на территории определенной страны, вновь созданные государства подписали специальные договоры о защите национальных меньшинств. В договорах констатировалось равное право граждан перед законом без различия расы, языка и религии; национальным меньшинствам предоставлялись следующие возможности: создавать свои школы, религиозные и общественные организации, пользоваться родным языком в суде, занимать государственные должности, получать любые профессии¹¹.

Наиболее остро вопрос о положении немецкого меньшинства в Югославии стоял в 1929–1930 гг. 1929 г. явился рубежом не только в мировой политике и экономике в целом, но и в истории германо-югославских отношений. В Германии в 1929 г. заканчивалась «эра Штреземана» – период относительной экономической стабильности и взвешенных политических решений. В Югославии в 1929 г. начинался период единоличной власти короля Александра, который последовал за громкими событиями в Скупщине – убийством сербским националистом П. Рачичем лидера Хорватской крестьянской партии С. Радича, – и характеризовался коренными изменениями как во внешней, так и во внутренней политике. В этот период немецкие посланники практически еженедельно посылали в Берлин донесения о результатах встреч с ведущими политическими деятелями Королевства или о выступлениях в СМИ по этой проблеме. Сербская диктатура, установившаяся в Югославии, считалась в Берлине потенциальной угрозой существованию немецкого меньшинства в государстве. Тема национальных меньшинств была в Европе столь злободневной, что обсуждалась в Лиге Наций. «Под давлением представителя Германии в 1929 г. был создан специальный комитет в целях выработки процедуры рассмотрения петиций меньшинств... Петиции, декларировавшие “национальное угнетение немецкого народа”, инспирируемые Германией, огромным потоком хлынули в Лигу из Верхней Силезии, Гданьска, Саара и других мест»¹².

Проблема немецкого меньшинства была важна для Германии и как предлог для пересмотра ее восточных границ, которые с точки зрения Берлина были определены неверно¹³. Позицию югославских властей по отношению немецкого

меньшинства озвучил в апреле 1929 г. на заседании Лиги Наций министр иностранных дел Королевства В. Маринкович, о чем 8 апреля 1929 г. сообщал в Берлин сотрудник немецкого посольства в Белграде Виндекер. В. Маринкович заявил, что в его государстве заботятся о меньшинствах больше, чем в Германии. В Королевстве пользуются привилегиями все меньшинства, даже албанцы, не говоря уже о немцах. В качестве доказательства своих слов югославский министр привел такие факты, как недавнее открытие немецкого консульства в Скопье и югославскую поездку немецкого автомобильного клуба¹⁴.

Несмотря на позитивную тональность сообщения Виндекера, существовали серьезные проблемы, связанные со статусом немецкого меньшинства в Югославии и его конкретным воплощением. Внимание того же автора привлекла публикация в официальной газете «Правда» от 16 июня 1929 г., которая носила предупреждающий характер. По мнению журналиста, югославское меньшинство терпит унижения в Германии, и этот факт может иметь обратное влияние. Немецкий дипломат был встревожен подобным заявлением и усмотрел в этом проявление политики югославских властей, которые «стараясь выслужиться перед Англией»¹⁵. Югославская пресса недостаточно активно пропагандирует югославо-немецкое сближение, резюмирует Виндекер, тем самым давая пищу для размышлений МИДу Германии по поводу разрабатываемой им политики в отношении Югославии.

Немецкие дипломаты хорошо осознавали возможности СМИ в формировании общественного мнения, а в отдельных случаях и государственной политики, поэтому их интерес к публикациям как в югославских, так и в немецких газетах обоснован. Если Виндекер был недоволен позицией немецкого меньшинства, то А. Кёстер обеспокоен настроением германской прессы по этой проблеме. Посланник в Белграде считает, что германские СМИ слишком часто обращаются к теме дурного обращения с немецким меньшинством в Королевстве, и советует министерству иностранных дел изменить эти настроения, тем более что проблемные ситуации возникают и в существовании других меньшинств – болгарского, венгерского. В отличие от Виндекера А. Кёстер усматривает в деятельности властей Королевства стремление разрешить ситуацию; с этой целью югославские чиновники пытаются привлечь на свою страну германских журналистов, чтобы те сами увидели и проанализировали условия проживания немецкого меньшинства. Посланник через дипломатов МИДа предостерегает представителей немецких СМИ от той участи, которая постигла в Югославии французских журналистов и французские газеты – о них сложилось мнение как о продажных. А. Кёстер, таким образом, настаивает на более продуманной и взвешенной информационной политике Берлина в отношении Югославии¹⁶.

Распространение немецкого влияния в Югославии шло и через дружественно настроенных к

Германии государственных деятелей. Необходимо констатировать, что ряд влиятельных лиц в Белграде был настроен скептически по вопросу о сближении с Германией, ясно осознавая великодержавный характер ее политики, унаследованный от имперских времен. Зачастую только личные симпатии и связи позволяли решать сложные вопросы. К числу прогермански настроенных югославских государственных и политических деятелей принадлежал, в частности, лидер Словенской народной партии А. Корошец, который большую часть жизни провел в Австро-Венгрии, а в Королевстве занимал ведущие посты; так, в 1929 г. он был министром природных ресурсов. С А. Корошцем неоднократно беседовал А. Кёстер. Примечателен их продолжительный разговор, состоявшийся 3 декабря 1929 г. В доверительной беседе А. Корошец рассказал немецкому посланнику о своем желании посетить в ближайшее время Германию, а также о положении немецкого меньшинства и о перестановках в правительстве. А. Кёстер, со своей стороны, просил А. Корошца поставить перед правительством вопрос о положении немцев более остро¹⁷.

По проблеме немецкого меньшинства А. Корошец в этот же период времени – 16 декабря 1929 г. – становится собеседником министра иностранных дел Германии Ю. Куртиуса. Югославский министр, говоря о необходимости дальнейшего развития политических и экономических отношений между двумя странами, поинтересовался, какие факторы являются сдерживающими на этом пути. Ю. Куртиус должен был открыто сказать о том, что на этом пути стоит вопрос о положении немецкого меньшинства. В записке, составленной для МИДа, Ю. Куртиус повторил доводы, приведенные в беседе с югославским министром, – это обеспокоенность «проектом закона о народных школах, как и предыдущим обращением с немецким меньшинством вообще»¹⁸.

Визит А. Корошца в конце 1929 г. в Германию, во время которого он встречался с министром иностранных дел и рядом других высокопоставленных чиновников, привлек внимание немецкой прессы. 18 декабря 1929 г. в газете «Кёльнише фольксцайтунг» на эту тему была опубликована статья «Югославский визит» («Südslawischer Besuch»). Статья написана в позитивном ключе и направлена на укрепление германо-югославских отношений. «В последний год в Югославии пробудились силы, которые настроены на максимально дружественные отношения с немецким Рейхом. Германия ответила на это со всей искренностью»¹⁹, – заявляет автор публикации, но тут же делает оговорку: отношения станут развиваться успешно, если не будут омрачены притеснением немецкого меньшинства в Югославии. В статье выражена надежда на то, что А. Корошец использует все свое влияние для улучшения положения немецкого меньшинства в Королевстве. Как отчетливо видно, визит А. Корошца был использован немецкими СМИ в качестве повода для того, чтобы в очередной раз поднять столь злободневную для Германии проблему. Однако в дипломатических

кругах приезд А. Корошца дал основания для уточнения некоторых позиций в германо-югославских отношениях. 1 января 1930 г. А. Кёстер сообщает в Берлин о беседе с В. Маринковичем, в которой затрагивалась тема посещения В. Корошцем Германии. В. Маринкович как министр иностранных дел не был проинформирован своим коллегой о предстоящем визите и поэтому считал поездку приватной. В. Маринкович выразил несогласие с действиями В. Корошца, который, по его мнению, пытается создать собственную околоправительственную структуру. В свою очередь, В. Корошец, как сообщает А. Кёстер, не доложил В. Маринковичу о беседе с министром иностранных дел Германии. Содержание этой беседы стало известно немецкому посланнику по дипломатическим каналам. Находясь в постоянном контакте с В. Маринковичем, А. Кёстер, тем не менее, осознавал антигерманский настрой последнего, что и констатирует в указанном докладе²⁰. В этой ситуации для германской стороны особенно важна была позиция такого белградского чиновника высокого ранга, как А. Корошец, прогерманская ориентация которого проявлялась, в частности, в решении проблемы немецкого меньшинства.

Вопрос о положении немецкого меньшинства в Королевстве невозможно определить однозначно как внутривнутриполитический или внешнеполитический. С одной стороны, он был связан со статусом определенной группы граждан Югославии. С другой стороны, проблемы немецкого меньшинства, во-первых, входили в сферу югославо-германских отношений, во-вторых, косвенным образом, через посредничество Германии, влияли на взаимодействие Югославии с другими странами.

Механизм взаимосвязей наглядно продемонстрирован в донесении А. Кёстера, отправленном в МИД 7 февраля 1930 г.²¹ В донесении сообщается о беспрецедентном событии – руководитель немецкой общины Югославии Грасль был приглашен в правительство, где в течение двух часов в присутствии министра юстиции, министра образования и исполняющего обязанности министра иностранных дел обсуждался вопрос о школах для немецкого меньшинства. Существовало несколько причин подобного внимания к наболевшему вопросу. Первая отчетливо названа в докладе немецкого дипломата: цензор пресс-бюро пропустил статью в газете «Политика» об открытии мемориальной доски в честь Гаврилы Принципа. Несмотря на то что цензор был уволен, югославские власти, опасаясь недовольства Берлина, поспешили проявить демонстративное внимание к проблеме, входящей в круг особо значимых для Германии. Вторая причина также обозначена в сообщении А. Кёстера, но ее значение может быть понято только в контексте сложных переплетений внешнеполитических контактов Югославии. Дипломат отмечает нервозность в югославских правительственных кругах и публикацию статьи в газете «Правда» по поводу укрепления Италией с помощью союза с Австрией кольца вокруг Югославии и усиления воздействия Италии на Германию²².

Правящая элита Королевства стала всерьез опасаться втягивания Германии в масштабные антиюгославские планы Италии. Как уже было отмечено, Рим считался в Белграде наиболее опасным противником, вероятность столкновения с которым нарастала с каждым месяцем. Безусловно, подобные опасения Югославии были на руку внешнеполитическому ведомству Веймарской республики в его целях осуществлять давление на это балканское государство, в частности, решать проблемы немецкого меньшинства. Политические колебания Белграда в отношении немецкого меньшинства хорошо видны на примере истории Культурного союза швабских немцев. В 1929 г. организация была запрещена, но в 1931 г. вновь открыта, более того, имела представительства по всей стране²³.

Вопрос о положении немецкого меньшинства в Югославии не сходит с повестки дня и в беседах, и донесениях нового немецкого посланника в Белграде У. фон Хасселя, приступившего к своим обязанностям в начале 1930-го г. Новые факты непонимания или притеснения немцев вновь и вновь влекут за собой рассуждения о статусе и условиях проживания национальных меньшинств. В беседе У. фон Хасселя с В. Маринковичем 28 мая 1930 г. фигурирует дело одного из лидеров немецкого меньшинства д-ра Нойнера, долго находившегося в тюрьме. Немецкий дипломат приводит в качестве положительного примера положение немцев в Дании; но, даже несмотря на хорошее обращение с немецким меньшинством в этой стране, стоит вопрос о присоединении датских территорий с преимущественным проживанием немцев к Германии. При внимательном прочтении обнаруживается изменение риторики немецких дипломатов: никогда ранее экспансионистские планы Германии так явно не озвучивались. Сделав подобное заявление, У. фон Хассель несколько смягчает свои слова, заметив, что Югославия не соседствует с Германией, и данный вариант решения вопроса не имеет к ней отношения. Свои рассуждения по обозначенной теме югославский премьер-министр завершает заявлением о том, что не видит опасности со стороны Германии²⁴. Немецкий посланник стремится не опустить ни одной детали беседы, поскольку донесения немецких дипломатов, аккредитованных в Белграде, являлись важнейшим источником информации для Берлина. Трудно определить однозначно слова В. Маринковича: дипломатический реверанс, политическая близорукость, самообман, стремление удержать баланс, – так или иначе заявление югославского премьер-министра было для германского МИДа важнее, чем последовавшие вслед за этим рассуждения о том, что национальные меньшинства требуют индивидуального подхода и невозможно сопоставить меньшинство албанское и меньшинство немецкое – албанцам была дана культура, немцы сами развивали свою культуру.

В германо-югославских отношениях 1920–1933 гг. каждая из сторон имела собственные цели и интересы. Главной целью побежденной в Первой мировой войне Германии являлось ослабление, в

конечном счете разрушение Версальской системы в Юго-Восточной Европе и возвращение к довоенному статусу сильной державы. Сближение с югославским государством рассматривалось Берлином как один из способов достижения названных целей. Среди проблем, постоянно обсуждавшихся в дипломатических документах, политических беседах и публикациях в прессе, была проблема немецкого меньшинства. Заботясь о немецком населении Королевства, Германия позиционировала себя главным поборником прав немцев независимо от места их проживания, что было связано со стратегическими целями государства. Свои интересы в этой сфере имела Югославия. Власти Королевства, не желая усиления немецкого меньшинства, в то же время стремились использовать профессиональный и деловой потенциал немецкого населения для укрепления экономики страны. Дипломатический аспект этой проблемы для Белграда заключался в том, что забота о немецком меньшинстве укрепляла отношения с Германией. Характеризуя немецкое меньшинство в Югославии, следует иметь в виду, что оно было разнородным по социальному составу, культурному уровню, политическим предпочтениям, степени осознания национальной самобытности. Подобные различия делали проблему существования немцев в югославском государстве еще более сложной.

Примечания

- 1 См.: Ostmitteleuropa zwischen den beiden Weltkriegen (1918–1939). Stärke und Schwäche der neuen Staaten, nationale Minderheiten. Magdeburg, 1991.
- 2 См.: *Avramovski Z.* Balkanske zemlje I velike sile. 1935–1937. Beograd, 1968; *Lukač D.* Radnički pokret u Jugoslaviji I nacionalno pitanje. 1918–1941. Beograd, 1972; *Чиркович М.* История сербов / пер. с серб. М., 2009.
- 3 *Bethke K.* Deutsche und ungarische Minderheiten in Kroatien und der Vojvodina 1918–1941. Wiesbaden, 2009. S. 18–19.
- 4 *Дерябина С. Р.* Буржуазные партии и становление внешней политики Веймарской Германии. Оренбург, 2005. С. 45.
- 5 См.: *Janjetovic Z.* Die jugoslavische Minderheitenpolitik zwischen den beiden Weltkriegen // Vom „Verschwinden“ der deutschsprachigen Minderheiten: ein schwieriges Kapitel in der Geschichte Jugoslawiens 1941–1955. Ulm ; Berlin, 2016. S. 29.
- 6 *Bethke K.* Gab es „Jugoslawiendeutsche“? Regionale Spezifika und nationale Integrationsprozesse deutscher Minderheiten im Gebiet des südslawischen Staates // Vom „Verschwinden“ der deutschsprachigen Minderheiten... S. 43–44.
- 7 См.: *Космач В. А.* Внешняя культурная политика Веймарской Германии в политической жизни страны и на международной арене (1919–1932). Витебск, 2006. С. 309.
- 8 Там же. С. 310.

- ⁹ Кавалуччи С. Силезский уголь в отношениях между Польшей и Германией в межвоенный период // Дипломатия ресурсов. Сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века : пер. с ит. / под ред. М. М. Наринского. М., 2008. С. 29.
- ¹⁰ Пушкаш А. И. Международный и политико-правовой статус национальных меньшинств стран Средней Европы в решениях Парижской мирной конференции // Восточная Европа после Версаля. СПб., 2007. С. 79.
- ¹¹ Там же. С. 80.
- ¹² Илюхина Р. М. Лига Наций. 1919–1934. М., 1982. С. 201.
- ¹³ См.: Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М., 2002. С. 66.
- ¹⁴ См.: Politisches Archiv des Auswärtigen, Berlin (далее – PAAA). RZ206. 1273. Nr. 92. 8.4.1929; 201415.
- ¹⁵ См.: Politisches Archiv des Auswärtigen, Berlin (далее – PAAA). RZ206. 1273. Nr. 92. 8.4.1929; 201415.
- ¹⁶ Ibid. R73. 122.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. B. Göttingen, 1966–1980. Band XIII, 199.
- ¹⁹ PAAA. RZ206. Nr. 886.
- ²⁰ Ibid. Nr. 1(1-1).
- ²¹ Ibid. Nr. 29.
- ²² Ibid.
- ²³ См.: Bethke K. Gab es „Jugoslawiendeutsche“? // Vom «Verschwinden» der deutschsprachigen Minderheiten. S. 44.
- ²⁴ См.: PAAA. RZ206. R73. 122. L 012534-37.

Образец для цитирования:

Мишин А. В. Проблема немецкого меньшинства в германо-югославских отношениях 1920–1933 годов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 58–63. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-58-63>

Cite this article as:

Mishin A. V. The Problem of German Minority in the German-Yugoslavian Relations of 1920–1933. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 58–63 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-58-63>